

Эмиль Петросян

Хроники Бардусана

Глава Первая. Сон.

Бардусан словно провалился в кроличью нору. В ушах звенело. Цвета изменились, появились визуальные и звуковые искажения. Он словно находился на большой глубине, гулкие звуки окружающего мира прерывались звонкими голосами птиц. Все напоминало старые телепередачи с размытыми, перенасыщенными цветами.

Он осмотрелся, все было в пикселях, в некоторых местах пиксели были битые, и было не понятно, это особая точка пространства или нарочито отсутствующая часть реальности.

Домик на горе напоминал заставку из старой, плохо прогруженной компьютерной игры, а прошедший мимо человек заговорил печатным текстом в облачке. Так обычно говорят в комиксах.

Бардусан вспомнил, как перед самым сном он отрицал реальность, и был в шаге от превращения в пульсирующий круг инь и ян.

Внезапно зазвонил телефон, и он почувствовал, как падает с одного уровня сна на другой, с треском пробивая миры. Время от времени его выплевывало в какую-то новую реальность, в которой он пребывал недолго, пытаясь запомнить их отличительные черты.

Пребывая в разных мирах и чувствуя изменение гравитации, Бардусан пытался выяснить иерархичны ли эти реальности, либо автономны и независимы друг от друга. Какой-то голос сопровождал его и комментировал его действия. Бардусан чувствовал себя героем странной повести.

В одном из нижних миров он увидел учителя, наливающего чай в наполненный чайник. Бардусан сразу вспомнил дзенскую притчу, прочитанную им недавно.

«Зачем вы это делаете?» - спросил учителя Бардусан, проверяя свою догадку.

«Чай – это социальный аналог гравитации, не забывай этого» - вдруг произнес учитель и растворился под не понятно откуда появившиеся бурные и несмолкаемые аплодисменты.

Бардусан развалился на несколько синхронизированных существ, идущих в ногу и мыслящих одно, как грибы или другие организмы с разветвленной структурой.

Во дворе стояло дерево. Оно молчало. Внимательно осмотрев дерево со всех сторон, Бардусан заметил в нем дупло.

«Одно из двух: либо белка, либо дятел, либо кариес» - тут же записал в записную книжку Бардусан. Конечно, он осознавал, что дупло могло возникнуть в процессе эволюции как аналог рта.

«Да, определенно, у дерева прорезался рот, и оно намеревается что-то сказать» - подумал Бардусан.

Затем, собрав в себе все силы, Бардусан прыгнул на дерево, как тарантул. Когда же залез на самый верх и наблюдал оттуда полет птиц, Бардусан внезапно вспомнил слова своего отца о том, что никогда нельзя забывать про спящую внутри нас обезьяну, поэтому надо создать для нее дерево, чтобы она была счастлива.

И тут словно гроза прогремела внутри него.

Глава Вторая. Будильник.

"Снимите его с дерева!", - кричал регулировщик и отчаянно жестикулировал. Музыкальный оркестр играл туш, и Бардусан спустился с дерева на лебедях.

Лебеди подвернулись случайно. И это было как последняя попытка восстановить неработающую связь человека с небом.

Так оно и случилось, лебеди появились в тот самый момент, когда Бардусан, балансируя на ветке, приблизился к дуплу, заглянул в него и увидел, как с обратной стороны на него изумленно смотрит точно такой же Бардусан.

Если дупло является своего рода зеркалом, то почему оно ничего не отражает, - думал Бардусан, пытаясь сделать селфи со своим двойником. Двойник отказывался фотографироваться, ссылаясь на плохое самочувствие и говорил, что не готовился к съемке.

Тут как раз все закономерно, особенно если воспринимать дерево, как некую структуру организации пространства. А именно это делал Бардусан, пересчитывая с высоты столбы освещения и пытаясь найти в них числовые закономерности.

Так или иначе, он постоянно вводил новые переменные, обнаруживая корреляцию между деревом и временем. И находил эту корреляцию в обычных с виду вещах. "Разве дерево и время - не однокоренные слова?" - многозначительно восклицал время от времени Бардусан, хватаясь за новую ветку.

Будильник прогремел, как молния. Как сонм ангелов. Или демонов. Бардусана выплюнуло из сна в кровать. Он посмотрел наверх, в потолок, и ему на мгновение показалось, что потолка нет, и на него сверху смотрит чистое небо с прекрасными пушистыми облаками, плывущими в сторону океана.

День только начинался, и Бардусан Самойлович... хотя он просил называть его просто Бардусаном... так вот, Бардусан, пролистав календарь, столкнулся с ощущением полного отрицания реальности.

Реальность – это что-то постороннее, не имеющее отношения к тому, что происходит. А то, что происходит, – это уже не реальность. Именно такие мысли посещали Бардусана в тот момент, когда он уже начал забывать дерево, одиноко стоящее во дворе в глубине потустороннего мира на другом краю одной из альтернативных вселенных.

«Деревья всегда стоят на пути», - возникло в мозгу Бардусана, после чего он вышел из квартиры, закрыл на ключ входную дверь и устремился вниз, к деревьям в дворе, к разнообразным ветвям, напоминавшим своими извивами жизненные пути, а может даже и родовые каналы.

Глава Третья. Метро.

Бардусан не любил метро, потому что считал, что спуск в подземелье равнозначен символическому погребению, а умирать он не собирался. Да и люди, поднимаясь на эскалаторах, выходят из метро, как воскресшие после Страшного суда. И он их очень боялся. Ведь кто сможет доказать, что они не зомби? Никто.

В метро Бардусан разглядывал людей. Всматривался в их странные посторонние лица. Откуда они здесь появились? Как они оказались с ним в одном городе, одном вагоне,

одном мгновении. Это явно невозможно. Ни одна теория вероятностей это не подтвердит. Если все эти люди играют спектакль для него одного, то они очень убедительны. Очевидно, за ними стоят какие-то сверхъестественные силы.

Вагон качнуло, и хрупкая девушка всем своим весом наступила ему на ногу. Бардусан почувствовал ее вес и понял, что она материальна. Как материален сегодняшний день. Если это, конечно, день, а не точка в безвременье, искусственно имитирующая работу времени.

«Поэзия всегда связана с опытом тела» - подумал Бардусан, соединив в уме девушку и свой сегодняшний отчет на работе, который следует сдать во что бы то ни стало. Затем Бардусан продолжил размышлять:

«У нее румяный цвет лица – это цвет жизни. Если бы она была белая или серая, то я бы подумал, что она – камень. А если бы цвет отдавал желтизной, то я бы точно решил, что она деревянная».

Размышляя о преимуществах естественных материалов, Бардусан пришел к выводу, что прекрасное усваивается только через длительное наблюдение. Если же что-то красивое усваивается сразу, то это имеет отношение только к страсти, но не к прекрасному.

Затем Бардусан перешел к новым мыслям:

«Как устроено время. Либо мгновения примыкают друг к другу, перенося вместе с собой казуальность. Словно переливание содержимого сосуда в сосуд побольше, в котором уже содержится своя жидкость. Либо происходит случайная встреча двух совершенно автономных непроницаемых мгновений, которые сменяются в реальности, как слайды». И тот и другой вариант казались Бардусану маловероятными, поэтому отбросив свои размышления, он вышел на своей остановке.

Центр города переливался огнями в витринах. Скорее всего, дело шло к Новому году. А возможно, Новый год уже прошел. Но кто мог сказать это точно, наверняка? Явно, не Бардусан, который бодрой походкой приближался к офису.

Глава Четвертая. Работа.

Здесь необходимо сделать небольшой экскурс в прошлое и отметить, что Бардусан с самых ранних лет не понимал причины постоянной отлучки своих родителей в

течение дня. Все самое интересное время родители отсутствовали, они появлялись только вечером, проводили дома ночь и на утро снова уходили. А весь солнечный день, все часы, что Бардусан не знал, чем заняться дома, он скучал по ним и думал, что они уходят, потому что не любят его, или потому что он им окончательно надоел.

Как-то бабушка сказала Бардусану, что родители ходят на работу, чтобы заработать денег, чтобы было что покушать и во что одеться. «А какая между этими событиями связь? – вопрошал Бардусан. И бабушка пыталась объяснить, что такое деньги.

«Деньги – это такая вещь, - говорила бабушка, - на которую можно купить все, что хочешь. Деньги зарабатываются сложно. Надо ходить на работу и делать то, что тебе прикажут, чтобы у тебя появились деньги».

«А кто приказывает тем, кто приказывает?» – не унимался Бардусан.

«У каждого начальника есть свой начальник, и так до бесконечности» - объясняла бабушка.

«А есть самый главный начальник, у которого нет начальника?» - продолжал выводиться бабушку из себя Бардусан.

«Да, есть» - ответила бабушка, - но это не твои родители. И они им никогда не станут. Поэтому привыкай к тому, что некоторые вещи надо делать, даже если они не очень нравятся. Так устроена жизнь: чтобы получить то, что тебе нравится, надо сделать то, что тебе не очень нравится».

«Это глупо» - говорил Бардусан и переставал на время общаться с бабушкой.

Вообще же Бардусан росмышленным мальчиком, поэтому с детства заявлял бабушке, что древние греки ему обязаны изобретением философии. Сам же он впоследствии философией не увлекался, а только иногда утверждал, что Сталин и Ленин - это один и тот же человек, только очень хитрый.

Когда Бардусан вырос, он понял, как устроена жизнь: абсолютно безобразно и хаотично. В ней нет ни порядка, ни закономерностей, а есть только приспособляемость. Бардусан изучал эволюционную теорию в университете и пришел к выводу, что люди – прямые потомки динозавров.

Работал Бардусан время от времени, часто меняя место работы. И работал ровно до тех пор, как достиг просветления. А как достиг просветления – продолжил работать.

Глава Пятая. Ланч.

Здания Бардусан считал своего рода деревьями, коридоры – ветвями, а кабинеты листьями. Людей он сначала считал птицами на дереве, а потом понял, что они скорее близки к насекомым.

Пришло время ланча. Женщина на кассе супермаркета, по сути, оказалась треугольником ABC, неравнобедренным и неравносторонним. Она сильно фонила, давая связаться Бардусану со своими близкими по телефону. А звонил он им каждый свой ланч. Трубку обычно брал отец и пересказывал все новости, которые услышал по телевизору. Это было бесценно.

С помехами же Бардусан давно не мог окончательно справиться. Ему постоянно мешал шум: звуковой, визуальный, ментальный, информационный. Да и как бы он справился с этим, особенно после того, как увидел свое отражение в дупле дерева. Конечно, никак.

Что же касается преследующих его размышлений о времени, то Бардусан представлял его не в виде последовательности мгновений настоящего, а в виде партитуры для бесконечного множества инструментов, где за каждым инструментом прячется голос одушевленного или неодушевленного объекта. Для Бардусана это было настолько же очевидно, как и ощущение существования самого себя. Ведь только это он мог сказать с некоторой долей уверенности.

Помимо этого, несмотря на свой довольно зрелый возраст, у Бардусана продолжало оставаться много претензий к пространству. Он считал, что пространство должно быть легко преодолеваемым, и перемещения в точку нашего взгляда, какой далекой она бы ни была, должны быть частью нашей жизни.

То же самое можно сказать о времени, Бардусану не нравилась необратимость времени в быту. Но если стрела времени является неизбежной данностью, то он хотел бы замкнуться в возрасте 25 лет и не выходить за его пределы.

Глава Шестая. Работа 2.

Создавая таблицы в одной из известных компьютерных программ, Бардусан видел только ячейки, которые необходимо связать между собой. Причем, какой бы большой ни была таблица, она была незначительной среди всех возможных ячеек. Из чего можно было сделать вывод, что все задачи на работе надуманы.

Бардусан задавал формулы каждой их необходимых ячеек. И через них он словно создавал себя. Кто он среди этих пустых таблиц: ячейка или информация? Является ли его значение составным, получено ли оно через другие ячейки, с кем он связан формулами?

Можно ли считать файл формой жизни? Вся ли информация жизнеспособна? Если из информации невозможно извлечь пользу, можно ли ее считать пустой информацией? Существует ли вообще пустая информация?

После ланча Бардусан всегда мучался вопросами, которые возникали у него в уме произвольно, одновременно и в большом количестве.

Чтобы прийти к целесообразности Бардусан пытался сформулировать цели, но цель тем и удивительна, что ускользает от формулирования, как и истина. Если цель состоит в том, чтобы «заработать побольше денег», то сразу возникают уточняющие вопросы, которые не позволяют считать эту цель осмысленной, например: «есть ли границы того, что нельзя делать за деньги в рамках этой цели», «какое количество денег может считаться достаточным и может ли оно измениться в процессе движения к цели», «нужно ли дорожить сложившимися устойчивыми социальными связями».

Каждая цель — это техническое задание, промпт, и тут важны все исходные условия.

Глава Седьмая. Кофе-брейк.

Тут плавно подходит время кофе-брейка. Когда рабочий день близится к завершению, и на горизонте показывается его закат, подступает желание приблизить досуг.

Устраиваясь с чашечкой кофе у панорамного окна одного из многочисленных заведений небоскреба, в котором работал Бардусан, он думал о смене времен года. Лето быстро заканчивалось, погода не улучшалась. Дожди сменяли друг друга, и казалось, что солнце больше никогда не появится.

Вдруг, прорвав облака, показалось солнце. Оно обожгло жаром щеку Бардусана, он подставил ему свое лицо и застыл в тихом восхищении. Кафе тоже оживилось: люди пересаживались в освещенные солнцем места и к огромным стеклам бесконечного фасада, уходящего в небо.

Чашка кофе не только бодрила, но и активировала в Бардусане переключатель между состояниями: из унылого клерка он превращался в «короля в изгнании».

В это время максимальной уверенности в себе Бардусан разглядывал посетителей.

Большую часть столиков в кафе занимали женщины. Они были ухоженными и выглядели целеустремленными. Хотя Бардусан часто считывал в их веселых разговорах полное фиаско в личной жизни, даже если они были замужем и у них было трое счастливых детей.

«Так устроена жизнь», - думал Бардусан, переключаясь между реальностями.

Глава Восьмая. Работа 3.

Вернувшись на свое рабочее место. Бардусан обнаружил пустыню. Мимо проплывал караван верблюдов, за которым бежали потрепанные погонщики.

«Куда это они?» - подумал Бардусан, зарывая ноги в песок. Жара становилась нестерпимой, он снял с себя пиджак и накрыл им голову. Бардусан не понимал, как оказался здесь, и переживал по поводу совещания с руководителем, которое должно было начаться через полчаса. Поэтому он попытался произнести несколько заклинаний, знакомых по сказкам из детства, но ничего не помогло.

Вдруг в одном из погонщиков Бардусан узнал своего руководителя. Не теряя времени, Бардусан подбежал к нему. Руководитель строго посмотрел на него и сказал: «Что ты тут делаешь? Разве у тебя не совещание через полчаса?».

«Да, конечно. Я, к сожалению, не знаю, как я сюда попал, поэтому подумал, что мы можем провести совещание прямо отсюда».

- Не говори ерунды, - воскликнул руководитель, взмахнул кнутом, стеганул им верблюда и пошел вслед за караваном.

Некоторое время Бардусан еще провожал его и караван глазами, затем уселся прямо на раскаленный песок и закрыл глаза.

«Горизонтальные движения всегда являются еще и вертикальными» - явилось ему в уме, и он потерял сознание.

Глава Девятая. Досуг.

В это же время Казимир, друг Бардусана, завтракая сосисками, преодолел мыслями скорость звука. Он парил в стратосфере и морщился от солнца.

"Весь секрет в калибровке", - произносил он, не переставая в своем сознании изображать два разобранных кубика Рубика.

Бардусан звонил Казимиру довольно часто, вечерами, и они обменивались впечатлениями за день.

Вот и в этот раз Бардусан говорил, не переставая, особенно о своём недавнем открытии секретных архивов Фиделя Кастро, в соответствии с которыми тот вступил в химического реакцию сам с собой, при этом активно выделяя в осадке Че Гевару.

Несмотря на все эти странные новости друзья признали, что в целом ситуацию в мире можно признать стабильной.

Бардусан сидел в своем домашнем кресле, и помешивал свои мысли, как поленья в камине. Он выдавал одну теорию за другой. Казимир слушал его и выдвигал контрпримеры, после которых друзья останавливались на мысли, что все в мире непознаваемо.

Вечер заканчивался. Разговор иссякал. Заканчивался и сам Бардусан Самойлович, барахтаясь в жидком супе твердого мира.

Глава Десятая. Дом.

Мысленно возвращаясь к спуску с дерева, необходимо отметить, что Бардусан, при всем своём желании, не мог никому признаться, что на дереве был не совсем он. А если и он, то был не совсем на дереве.

Ясно было одно – Бардусан обладает признаками пустого множества. И это было неспоримо.

На улице стало холодать, и Бардусан, перемешивая миры, трижды победоносно прокричал "Берегите лес" - и снова спрятался в листве. В своём укрытии он читал биографию Александра Сергеевича Пушкина, постоянно удивляясь, что это не три разных человека из четырех разных эпох.

На следующий день Бардусан в метро по дороге домой в пассажирах опознал вчерашние шпроты, которые он ел на ужин.

Вечер тянулся долго, вероятно поэтому птицы за окном ввинчивались в деревья, и держались, как кронштейны.

Бардусан за ужином пил вино и читал книги. Но в книгах он не нашел ни одного ответа на свои извечные вопросы: почему Лев Толстой отказался от полетов в космос или как современная физика объясняет происхождение НДС.

Перед самым сном Бардусан объединил в уме галактику Млечный Путь и билет на 30 поездок на метро. В какой-то момент он уже хотел было вспомнить цитату из Карла Маркса, но время постоянно выдвигалось и задвигалось, как телескопическая антенна, и мешало ему.

Сон никак не приходил к Бардусану, несмотря на то, что он отчаянно пытался вспомнить счастливые моменты из детства. Но потом что-то произошло - и он покатился вниз, стремительно набирая скорость.

Бардусан словно провалился в кроличью нору.